

ЭМИЛЬ-МИШЕЛЬ
СИОРАН

ГОРЬКИЕ СИЛЛОГИЗМЫ

Москва
издательство
РОДИНА
2023

УДК 13

ББК 87

С 34

Сиоран Э.-М.

С 34 Горькие силлогизмы. – М.: Родина, 2023. – 368 с. – (Сила Мысли).

ISBN 978-5-00180-569-4

В известной степени от мрачных мыслей спасает благополучное состояние дел в обществе и вера в прогресс. Напротив, крах парламентаризма и слабость либерально-демократического режима укрепляют у граждан, особенно у интеллигенции, комплекс национальной неполноценности.

В этих условиях архетип романтического мышления довольно четко накладывается на мировоззрение: неверие в социальный, промышленный, политический и научный прогресс обуславливает разочарование в современном обществе и ведет к разочарованию в человеке. Отсюда настроение безнадежности, отчаяния, «космический пессимизм», «мировая скорбь».

Пессимистическая философия Э.-М. Сиорана в основных своих параметрах продолжает традицию Ницше. Пожалуй, он единственный после Ницше философ, который виртуозно владеет искусством афоризма. Как и Ницше, он «философствует поэтически». Но одновременно и полемически: у него, как и у Ницше, все фразы полемичны и вся его мысль диалектически противоречива.

Творчество Сиорана насквозь антимонологично и антидогматично. К нему, как к ни одному другому философу, применимо высказывание Поля Валери: «Самые значительные мысли — это те, которые противоречат нашим чувствам».

УДК 13

ББК 87

© А.Г. Головина, В.В. Никитин,
перевод с франц., 2023

ISBN 978-5-00180-569-4

© ООО «Издательство Родина», 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Французские критики порой наделяли Чорана самыми громкими эпитетами, вплоть до «величайшего французского прозаика наших дней». Столь высокая оценка его творчества не может не удивлять, особенно если учесть, что Сиоран был румыном, иностранцем, освоившим французский язык уже взрослым. Однако факт остается фактом: приехав во Францию, Сиоран стал самозабвенным служителем французского языка и превратился в одного из лучших французских стилистов. Талант Чорана, его острый ум, оригинальность его мышления сделали его популярным писателем Франции, получившим особое признание в интеллектуальных кругах. На него ссылаются, его много цитируют, потому что его творчество — значительное явление, как современной французской словесности, так и современной французской философии.

Интересно, что в середине 1960-х гг., когда Чоран еще не достиг зенита своей славы и опубликовал лишь половину из написанных им во Франции книг, известная американская писательница и культуролог Сьюзен Зонтаг заявила, что в той ветви субъективной философии — антисистемной, лирической, афористичной, — которая славна именами Кьеркегора, Ницше, Витгенштейна, в наши дни «крупнейшим» является именно Чоран. А это более чем веское обстоятельство, делающее необходимым появление его книг на русском языке.

Эмиль-Мишель Чоран (Сиоран) родился 8 апреля 1911 г. в деревне Рэшинари близ Сибиу в семье православного священника. Образование он получил сначала в средней школе, а затем на философском факультете Бухарестского университета. Во время учебы проявлял наибольший интерес к наследию Кьеркегора, Зиммеля, Бергсона, Ницше. Как правило, Чорану импонировали философы, являвшиеся одновременно и хорошими писателями. Зиммель, по его словам, писал просто замечательно, причем отличался необыкновенно ясным, прозрачным языком, «что с немцами случается крайне редко». По этой же причине он высоко ценил Бергсона, который тоже был «настоящим писателем». Единственный его упрек в адрес Бергсона был связан с тем, что автор «Материи и памяти» мало внимания уделял трагичности существования.

* * *

Что касается самого Чорана, то в его сознании ощущение трагичности жизни было центральным с самых ранних лет. На формирование его пессимистического мировосприятия повлияло множество факторов. Прежде всего — раннее знакомство со смертью. У родителей Чорана был сад, расположенный рядом с кладбищем; вспоминая об этом, философ отмечал, что детские годы, проведенные в таком соседстве, должно быть, незаметно оказали на него сильное влияние. «Когда я был молодым, я думал о смерти не переставая. Это было какое-то наваяждение: я думал о ней даже за едой. Буквально вся моя жизнь протекала под знаком смерти. Со временем эта мысль ослабла, но так и не покинула меня. Она перестала быть мыслью, но осталась моим наваяждением. Именно из-за этой мысли о смерти, с одной стороны освобождав-

шей меня, а с другой — парализовавшей, я не стал приобретать никакой профессии. Когда все время думаешь о смерти, нельзя иметь профессию. Поэтому-то я и стал жить так, как жил, — на обочине, подобно паразиту».

Может быть, поэтому Чоран считал, что в философии есть только одна заслуживающая внимания проблема — это проблема смерти — и что рассуждать о чем-то другом — значит терять время, обнаруживая свое невероятное легкомыслие. Поэтому и в литературе его единомышленниками и учителями оказывались именно те писатели прошлого, у которых взгляды на эти вещи более или менее совпадали с его собственными. «Лукреций, Босюэ, Бодлер — кто лучше, чем они, понял плоть, понял все, что есть в ней гнилостного, ужасного, скандального, эфемерного?»

Другим моментом, добавившим мрачных красок в мировосприятие философа, стало его собственное физическое нездоровье и связанные с ним страдания, о которых он говорит очень часто. Физическая боль настолько ассоциируется у Чорана с жизнью, что он готов признать, что не жил в тот день, когда не страдал. И здесь он тоже зовет себе в учителя и сообщники мыслителей и литераторов, о которых известно, что они страдали. «Паскаль, Достоевский, Ницше, Бодлер — все, кого я ощущаю близкими мне людьми, были людьми больными».

В числе мучивших его недугов Чоран выделяет бессонницу и, деля все человечество на две части — на тех, кто подвержен этой напасти, и тех, кто спит спокойным сном, — превращает ее если не в философскую категорию, то, уж точно, в мощный инструмент познания. «Не так уж плохо намучиться в молодости от бессонницы, потому что это открывает вам глаза. Это чрезвычайно болезненный опыт, настоящая катастрофа. Зато она позволяет вам понять некоторые вещи, недоступные другим:

бессонница выводит вас за пределы всего живого, за пределы человечества». Кроме того, Чоран с ранних лет мучился страшными болями в ногах, то ли ревматического, то ли нервного происхождения. Да еще постоянные, редко отпускаявшие его простуды. Да ощущение тоски, всеобъемлющей тоски, сопровождавшей его и в Берлине, и в Дрездене, и потом в Париже.

* * *

Однако страдания страданиями, а истинной причиной пессимистических настроений порой бывает и отчаянная любовь к жизни. Чоран признавался своему дневнику: «Моя тайна — безумное жизнелюбие». Вспоминается Лермонтов, «русский Байрон», которого, кстати, Чоран ставил гораздо выше Байрона английского: «Страшно подумать, что настанет день, когда я не смогу сказать: я! При этой мысли весь мир есть не что иное, как ком грязи».

Как велико порой бывает искушение охать то, что отказывается тебе подчиниться, что манит тебя своим многоцветием и своими ароматами, но дается лишь во временное пользование, на срок только одной человеческой жизни! Вот главная причина ненависти романтиков к мирозданию, главная причина их пессимизма. Творчество Чорана прекрасно вписалось в романтическую традицию пессимизма в европейской философии и литературе. Эта традиция была связана с неверием романтиков в социальный, промышленный, политический и научный прогресс, обуславливала разочарование в современном им обществе и вела к разочарованию в человеке. Отсюда настроение безнадежности, отчаяния, «космический пессимизм», «мировая скорбь».

Архетип романтического мышления довольно четко накладывается на мировоззрение Чорана. Оно и немудре-

но. Вот что он сказал в одном из своих интервью: «В молодости я очень сильно ощущал свою близость к романтизму, особенно немецкому. Даже и сейчас я не могу сказать, что я окончательно отошел от него. Базовое чувство у меня — Weltschmerz, романтическая скорбь, от которой я так и не излечился. В значительной части и моя любовь к русской литературе объясняется во многом именно ею. Это литература, которая оказала на меня самое сильное воздействие. Особенно то, что в историях литературы называется русским байронизмом. Потому что распространяемый их влиянием Байрон оказался более интересным в России, чем в Англии. И вот ближе всего мне эти байронические русские герои, из-за чего я, собственно, и не чувствую себя западным европейцем: здесь ведь многое зависит от географии, от корней. Что-то есть в этом. А из всех персонажей Достоевского, как мне представляется, я больше всего восхищаюсь Ставрогиным и лучше всего его понимаю.

Это же ведь типичный романтический персонаж, которого снедает тоска».

* * *

В философском смысле пессимизм связан с уверенностью, что в мире зло преобладает над добром. Такой позиции придерживался, в частности, Шопенгауэр, и Чоран с готовностью развивал такую точку зрения. Эта его убежденность постоянно подпитывалась обыкновенным бытовым пессимизмом, из-за которого будущее видится человеку более мрачным, нежели настоящее. Индивид склонен укрепляться в этом мнении, поскольку впереди его ждут старость и смерть.

Для многих противоядием от пессимизма может служить религия. Но ее Чоран утратил достаточно рано.

В известной степени от мрачных мыслей спасает благополучное состояние дел в обществе и вера в прогресс. Но в Румынии — периферийной отсталой, аграрной европейской стране — дела испокон веков шли плохо. А крах парламентаризма в 20-е гг. и обнаружившаяся слабость либерально-демократического режима укрепили у ее граждан, особенно у интеллигенции, комплекс национальной неполноценности. Чувство стыда за родную страну и ощущение собственной беспомощности сделали тогда многих юных пылких румын чувствительными к националистической риторике, заставили их мечтать о построении справедливого нового общества, о железной дисциплине, о национальном возрождении, наподобие немецкого.

Закружилась слегка голова в те годы и у Чорана, ставшего на какое-то время адептом националистического движения, известного под названием «Железная гвардия». С ним он связывал надежду на преодоление коллективной румынской апатии и безответственности, надежду на национальную революцию, способную превратить страну «из фикции в нечто реальное». Тогда Чоран, оказавшись по гумбольдтовской стипендии в 1933—1935 гг. в Германии, не преминул одобрительно отозваться о политике Гитлера, выводившего как раз в тот момент Германию из разрухи. Пытаясь теоретически обосновать необходимость для Румынии диктатуры, он писал: «Вполне очевидно, что с субъективной точки зрения каждый из нас предпочел бы жить во Франции, а не в Германии... Но когда речь идет о нашей судьбе и о нашей миссии, нужно уметь отказываться от своей свободы, которая, будучи благодатной сегодня, может оказаться губительной для нас завтра».

Все эти факты, разумеется, не делают чести студенту-философу. Однако в ту пору все преступления нацизма еще только ждали своего часа, и о чудовищных издержках национализма можно было только догадываться. По-